

Ирина Смирнова

Как пройти в библиотеку?

▲Глава 1

Евгеника:

За окном снова лил дождь, и настроение у меня было отвратительное. Мать в очередной раз совсем уже нетактично намекнула, что она в моем возрасте меня нянчила. А я до сих пор не замужем, и непонятно, о чем думаю.

– Ты должна наконец сделать выбор! Вот смотри: Эмиль – приятный молодой человек, Гектор – уже лейтенант, через десять лет станет полковником. Дореш – тоже очень милый...

Еще бы Дореш был не милый, когда у его отца сеть кондитерских фабрик. И Эмиль тоже приятный, потому что у него отец – владелец одной из трех крупнейших телекоммуникационных компаний по всей стране. А Гектор – солдафон, и шутки у него дурацкие.

– В конце концов, в твоей академии тоже есть приличные молодые люди, я уверена! Вот тот, кто в последний раз тебя провожал...

Угу, кто-то провожал... Сразу после ресторана, где мы отгуляли всей группой до самого закрытия. Я спустила там все свои карманные деньги, но зато была счастлива, танцевала с кем хотела, говорила что думала и так громко, как мне этого хочется.

Мама пока еще помалкивает по поводу моей привычки задерживаться раз в неделю до полуночи, а то и дольше, но вскоре и это будет поставлено ею мне в укор.

Уверена, она вот-вот напомнит, что позволила мне учиться там где хочется, но это же не означает, что я буду работать по специальности!

Да боги нас спаси! Конечно, женщина из приличной семьи не должна работать. Она должна выбрать себе мужа, который с радостью впряжется в семейный бизнес. Сеть кафетериев и три гостиницы прямо в центре столицы ждут, вместе с моим отцом, когда же я нагуляюсь и приведу кого-нибудь ему в помощь.

Есть, конечно, дичайший вариант – я сама выпрошу у мамы кафе на окраине и

попробую не угробить его своим чутким руководством. Но это вряд ли – у меня никакого желания погружаться во все это безобразие нет и не предвидится. И гостиницами заниматься я тоже не жажду. Но выбора – то только два – или потихоньку впрягаться самой, или выйти замуж и свалить все на мужа.

Само собой, мать надеется на второй вариант, вот и волнуется.

В принципе, и мне уже пора начинать волноваться – до выпуска осталось всего несколько месяцев, а я клятвенно пообещала папе, что помощь придет к нему сразу после того, как я получу диплом.

Едва дождавшись окончания воскресного обеда, когда мы все собираемся вместе и прислуге не приходится накрывать стол несколько раз, я отодвинула от себя кружку с недопитым чаем и искоса посмотрела на мать, намекая, что уже наелась. Вставать из-за стола, пока хозяйка дома еще сидит, считалось верхом неприличия, даже если нас за столом всего пятеро.

– Допей чай и доешь кекс, – мама кивнула на мои жалкие потуги размазать по тарелке не очень вкусную выпечку. – Алита старалась все утро, так что соизволь оценить ее усилия по достоинству.

Что ж, раз кекс пекла Алита, не будем подставлять ее под наказание. Она хорошая девочка. Вот второй нашей кухарке я с радостью сделала бы гадость, но, к сожалению, она готовит так вкусно, что о гадости я вспоминаю, уже доедая добавку.

– Вот теперь можешь идти, – величественно кивнула мама. – И не забудь о нашем разговоре.

Я обреченно кивнула, присела в быстром реверансе и как можно скорее сбежала наверх, в свою комнату. Там я вытащила запрятанный в тайнике под кроватью личный ноут, подключенный к общей мировой сети не через семейную линию, а через отдельную, сделанную специально для меня Эмилем.

Приятный молодой человек, и семейный бизнес у него очень приятный. Телекоммуникации – это дорога в будущее... Прямо даже жаль, что мне с ним не по пути, причем дважды – он, конечно, третий сын в семье, но свое будущее видит в помощи своему собственному отцу, поэтому и жену ищет среди «своих». Мои гостинично-кофейные богатства ему не сдались абсолютно. ♣Но как друг он меня вполне устраивает, так же, как я – его. Вот я и принялась жаловаться ему как

другу...

«Странно, что твои не въезжают – вам нужен энергичный парень без гроша за душой. Ну или кто-то
вашего круга, тоже с кафешками по городу».

Мои въезжали – вернее, отец въезжал, даже намекал несколько раз, но мать постоянно капризничала.

Она была категорически против «бесприданника», а в семьях с пересекающимся или смежным бизнесом «приличных мальчиков» нужного возраста, кроме принца-карамельки Дореша, не наблюдалось. Выбирала мама из вторых-третьих сыновей, само собой, потому что объединяться и сливаться с кем-то мои родители не желали. Не для того они, видите ли, столько лет раскручивались, чтобы быть поглощенными более сильной компанией.

Угу... а о том, чтобы взять в семью кого-то из более слабых или равного уровня, даже речи не шло. Хотя если бы я притащила и поставила их перед фактом, то смирились бы. Печаль в том, что тащить было некого...

Неурожайная какая-то была пятилетка в сферах общепита и гостиничного бизнеса. Рождаемость низкая. Так что ровесников днем с огнем, а ведь среди них еще надо было что-то адекватное отрыть!..

«А ты устрой конкурс! Выложи свое фото в купальнике, только лицо спрячь под маской. Скажи, что ищешь мужа... ;)»

«Эмиль! Ты гений! :-*»

«В своей гениальности я даже не сомневался. Ну и еще это прекрасный повод увидеть тебя в купальнике =)».

Зараза, конечно, но идея же и правда замечательная! Правда, мужа надо выбирать, помня о том, что ему придется управлять нашими кафетериями и гостиницами, но я продумаю конкурсное задание с учетом этого момента. Причем лучше всего пустить его первым, а значит, надо посоветоваться с отцом.

Спустя полчаса у меня был список самых простых вопросов для собеседования на различные должности, который я между делом выпросила у ничего не подозревающего папы.

Само собой, прямо в лоб я ничего подобного спрашивать не собиралась. Креативный подход – наше все! И понятное дело, мне не нужен готовый специалист. Мне нужен тот, из кого отец сможет со временем слепить себе помощника.

Еще час усердного пыhtения и совместного ржания с Эмилем, и у меня были тестовые задания, которые должны пройти все имеющиеся кандидаты.

Начнем, пожалуй, с уверенной правильной речи и властного голоса. Отец сказал, что это тоже очень важно... так что пусть стихи мне вслух читают или хвалебную оду собственного сочинения.

А в задачнике «Аудиторы шутят» достаточно много сурового бухгалтерского юмора, причем, учитывая название, весь юмор нацелен как раз на то, чтобы бухгалтера завалить на ровном месте. Тестировала я на Эмиле – если он понимал, о чем речь, и давал правильный ответ, значит, задачку можно было брать.

«Десятка хватит, как ты думаешь?»

«Давай посчитаем. На тебе должны быть: трусики и лифчик, юбка, блузка...»

«Чулки, две штуки, шарфик, ленточка в волосах...»

«Да ты издеваешься?! Как ты сможешь сексуально снять ленточку?!»

«Я?! Включай видео, сейчас покажу!»

▲Глава 2

Евгеника:

Ха! Ленточку из волос сексуально? Сейчас...

Я включила музыку, одернула домашний халатик, скинула тапочки с большими розовыми помпончиками и приняла вызов на видео.

На экране ноута засветилась довольная веснушчатая морда моего лучшего друга. Голубые глазищи предвкушающе сверкали, волнисто-блондинистое безобразие на голове поблескивало едва заметной рыжиной.

– Ну, жги! – хмыкнул он и с видом эстета-ценителя откинулся в кресле.

Я сделала несколько танцевальных па под музыку, потом повернулась к нему задом и покрутила

попкой, зная, что это его... эм... слабое место, так скажем... Даже ладонями себя погладила и халатик чуть задрала...

– Ты это... ты ленточку обещала! А не издеваться перед сном! – возмутился Эмиль. – То, что у тебя фигура – зашибись, я в курсе!

Я развернулась лицом к экрану, подмигнула, соблазнительно облизнув губы и с удовлетворением заметив, как бедный парень жадно сглотнул. Если лучшего друга при виде меня так пробирает, значит, незнакомых еще сильнее может шибануть...

Но я на всякий случай еще огладила себя по бедрам, по талии, даже по груди... ну чтобы наверняка! А потом быстрым движением сдернула ленточку с конского хвоста на голове и покрутила шеей, заставляя волосы красиво рассыпаться по плечам.

– Пойдет? – ехидно уточнила я у застывшего Эмиля, жадно поедавшего меня глазами через экран.

– Это был самый страшный облом в моей жизни! Давай следующий вопрос... повышенной сложности! За халатик!

Показав язык, я отключила видео и, довольно усмехаясь, напечатала:

«Значит – ленточка, шарфик, блузка, юбка, чулки, лифчик и трусики. Восемь вопросов получается».

«Я на все ответил! ;)» – напомнил мне Эмиль и прислал смайл кота в позе ожидания. Угу, знаю я, чего этот кот ждет.

«Ты вне конкурса».

«Именно! Я – тестер. Ленточку я одобрил. Теперь давай шарфик!»

«Обойдешься, ты меня без шарфика уже видел :Р».

По зрелом размышлении я решила, что отрываться сначала самой, а потом требовать такого же от мужчин в корне неверно. Надо действовать наоборот. Пусть сначала они мне присылают фото и видео. Ладно уж, не стриптиз, но чтобы фигуру я смогла оценить... А, и еще обязательно какое-то достоинство, выгодно выделяющее из массы претендентов. Не внешнее, а внутреннее, и речь не про органы!

Это отцу, в конце концов, помощник нужен, а я мужа ищу. Мне с ним спать иногда придется и жить рядом.

И раз уж развлекаемся на всю катушку, значит, можно и на домашний быт протестировать. Как он поступит с провинившейся прислугой, например? Или что он думает о женщинах, работающих наравне с мужчинами?

Эмиль вот искренне считал, что это позор на голову мужа и ни о каком равноправии речи быть не может. Мужчина работает, женщина сидит дома, занимается детьми, следит за прислугой. Если мужчина не в состоянии оплатить прислугу, то нечего и жениться... Ну или пусть приходит с работы, готовит ужин, убирается в квартире и развлекает жену, которая весь день без него скучала. Правда, при мысли о подобном раскладе у Эмиля начинал нервно подергиваться глаз, и я его прекрасно понимала. ♣Уровень бедности, при котором нельзя себе позволить нанять живую прислугу, можно было представить легко. А вот жизнь тех, кому не хватает даже на элементарных роботов, убирающихся дома и готовящих еду, представлять никому не хотелось.

Это была низшая каста... Ужасик. Жители иного, нижнего мира. Отбросы общества, лишившиеся всего имущества по каким-то причинам – страсть к азартным играм, крупные административные штрафы, какие-то преступления против общества, когда происходит не только полная конфискация имущества, но и тюремное заключение. А если денег на уплату долга не хватило, то и...

Нет, та же Алита обручена с кем-то из своего круга и собирается работать у нас кухаркой, пока они с мужем не заработают на двухкомнатную квартиру и медицинскую страховку для третьего члена семьи. Иначе государство не позволит им завести ребенка. А если они решатся на него незаконно, то им потом придется за бешеные деньги оформлять ему документы задним числом. Или лечить и учить дома, выплачивая ежегодные штрафы за нарушение закона. Понятно, что о втором или третьем малыше при таком раскладе даже речи не будет.

Ну и куда потом устроится это дитя? Разве что тоже кухаркой, как его мать, или рабочим, наблюдающим за роботами на заводе, как отец. Хотя нет, на завод его не возьмут без аттестата о среднем техническом образовании. Так что остается только прислуга, но не каждая семья согласится нанять «незаконьша».

Поэтому работающая жена – это всегда первый звоночек об опасности, сигнал о том,

что семье не хватает денег. Конечно, в случае с моей семьей сразу понятно, что это блажь глупой девчонки, которой потакают взрослые. Развлечение незамужней избалованной куколки, решившей поиграть в равноправие и сравняться с мужчинами, опустившись до их уровня.

Но, естественно, в картине мира окружающих меня парней работающая жена была кошмаром, а не мечтой.

Да, последние лет так сто женщины решили, что образование им не мешает, к тому же пользоваться техническими новшествами гораздо удобнее, если хотя бы смутно понимаешь, как они устроены. Ну и опять же, все время сидеть дома скучно, так что можно развлечь себя какой-нибудь гуманитарной наукой. Но в основном, это все было так, второстепенно-поверхностно, от скуки. По-настоящему учиться желало очень небольшое число молодых женщин, и уж совсем единицы продолжали развиваться и повышать уровень своего образования после того, как выходили замуж и рожали пару-тройку детей.

Предназначение женщины – наслаждаться жизнью так, как ей нравится, а задача мужчины – обеспечить свою женщину всем, что ей необходимо для наслаждения.

Музеи, библиотеки, кинотеатры, прогулки на природе... Бассейн, спортивный зал, салон красоты... Детские кружки, если тянет какое-то время провести с ребенком!..

Дочери маминых подруг посматривали на меня с недоумением. Ладно бы я получала образование, хоть как-то связанное с семейным делом. Я же поступила и училась в техническом институте!.. Где женщин днем с огнем... зато заумных слов и непонятных терминов навалом!

Но я проспорила Эмилю, вернее – переругалась с ним в пух и перья, и назло ему... поступила! Набрал даже больше баллов, чем он. Правда, это был временный успех, но его хватило, чтобы в группе относились ко мне с уважением. Как к странной шизанутой на всю голову настырной богачке, которая почему-то «шарит» почти по всем предметам.

И вот теперь, с упорством, достойным лучшего применения, я две недели – две недели! – только и делала, что тестировала всех, возжелавших моего тела. Свое фото в купальнике я «зажала» до последнего этапа, ибо иначе снятие блузки и юбки не будет достойным стимулом.

Я заманивала народ «расчлененкой», как обозвал все это дело Эмиль. Прошедшие на

очередной
уровень получали фото моей ножки, руки, живота, груди... в купальнике,
естественно! Но не видели
целой картинки. Желаящие могли собирать из моих фото пазл, и я уверена, что
многие так и
делали.

Я даже не ожидала, что окажусь настолько востребована сама по себе, без
семейного бизнеса за
спиной.

Ведь даже в группе знали, кто такая моя мать, хотя я и скрывалась весь первый
курс как могла.
Ездила в метро вместе со всеми, конспиративно игнорируя Эмиля, а водитель
встречал меня уже на
центральной пересадке.

Но все равно в итоге каким-то непонятным образом все стало всем известно. Тогда
я расслабилась,
перестала играть в агента под прикрытием, подвозила тех, кто жил по пути,
тратила карманные
деньги, стараясь не заострять внимание на том, что это – на мелкие расходы,
потому что у многих
↑таких сумм никогда в руках не было.

Только ощущение легкости и вседозволенности пропало, просыпаясь лишь в
ресторанах, где мы
кутили, танцевали, обнимались, целовались... не помня кто с кем.

А потом ответственный Эмиль загружал меня в свою машину, довозил до дома,
доводил до
парадного входа и сдавал с рук на руки дворецкому или отцовскому камердинеру.
Приятный
молодой человек... да...

А сейчас я снова чувствовала себя... отдельной личностью. Я знала, что мною
восхищаются, не
зная, кто я. Не подозревая, что проходят отбор у одной из самых завидных невест
столицы. Это
было так... захватывающе! Я устраивала сеансы односторонней связи, когда меня не
видно и не
слышно, а мой собеседник весь целиком передо мной. Я наблюдаю за ним, слушаю его
голос, он
отвечает на мои вопросы...

Эмиль действительно предложил гениальную идею. Ведь обычно кандидатов в мужа
выбирают
матери, а дочерям, если повезет, позволено выбрать из трех-четырех
избранников.

Тут же я резвилась сама, в одиночестве. Пользуясь тем, что у меня все же очень
лояльные
родители, балующие и меня, и сестер.

↑Глава 3

Вячеслав:

Первым делом, вернувшись с тренировки, я включил комп и пошел рыться в холодильнике на предмет чего бы схочмячить. Нарыл, настругал салат, разогрел кусок свинины, покидал все это в большую миску и рванул обратно, к себе в комнату.

Игра как раз загрузилась, супер! Так, кто там у меня сегодня в противниках? «Тринити». Отлично, кликуха девчачья, но соперник из этой Тринити очень даже не слабенький.

– Ну что, бьемся?

– Бьемся!

– Ща, салат уконтрапуплю...

– Давай, только быстро, а то у меня тут ночь.

– Так ты звук потише сделай.

– Не учи ученого, все под контролем, кроме предков.

– Сочувствую. Ну все, я готов!

Пустая миска была отодвинута в сторону, и я полностью переключился в происходящее на экране...
Ровно до того момента, когда неожиданно мыргнул свет. Причем мыргнул так, отверткой им крестовой в задницу, что даже моя навороченная упса не выдержала. На экране компа была такая же темень, как и по всей квартире.

Матюгнувшись, я встал и на ощупь двинулся к электрощитку. Сначала надо посмотреть свой собственный, потом уже подъездный... Но на половине пути свет снова мыргнул, осветив квартиру.
Не мою, мать вашу, квартиру!

Мало того, в этой квартире я был не один. В дверях стоял представительный такой дядька в форме, явно военной, только не определить, какой именно, и за ним два жлоба... Уж на что я не маленький, но вот тут каждый как два меня в плечах и метра так два в высоту. Не, два с лишним, потому что ж явно на голову выше. Два брата-близнеца, одинаковых с яйца...

– День добрый, господин Иванов.

Так, квартира, конечно, не моя, а вот фамилия – родная, редкая, от батяни

перепавшая.

Единственное, что мне от него перепало, так это фамилия. Ну просто у матери Гарахмундинова, так что она волевым решением меня под фамилией отца записала. Хотя все думали, что она эту фамилию с потолка взяла... А вот и нет, ни я, ни фамилия были не с потолка...

– Да, это я. Чем могу быть полезен?

Я, когда надо, могу и по отцу, и по матери, а иногда могу и вежливым побыть. Тут вот явно требовалось быть вежливым, к тому же с квартирой не понятно, что случилось.

– Ваш долг государству превысил допустимые законом размеры, так что теперь все ваше имущество будет распродано, вместе с вами. Время вашего пребывания в рабстве будет зависеть от суммы, которую государству удастся получить после распродажи всего остального.

Я как стоял, так по стенке и стек.

– Послушайте, тут явно какое-то недоразумение. Какой долг? Я вообще еще студент же, последний курс.

– Вы, господин Иванов, не волнуйтесь. Если недоразумение, то вас обязательно выпустят и даже извинятся, – в голосе мужчины послышалась ехидная насмешка.

Ну да, ну да, выпустят и извинятся. Как же...

– Адвоката, – выдал я, вспомнив правила поведения в подобных случаях. – И звонок матери!

– От вашей матери у нас есть подписанное согласие о невмешательстве и отсутствии наследственных притязаний на все, кроме квартиры. Так что, учитывая сумму долга, отработать вам придется лет так десять, не меньше.

В голосе мужика промелькнуло что-то похожее на сочувствие, но он тут же отошел в сторону, а два амбала подхватили меня под белы ручки и понесли вон, на улицу, в темноту, в рабство...

В рабство?! Нет, наверное, меня током каким-то странным образом шарахнуло и я лежу дома, весь такой несчастный, но живой и свободный. Завтра оклемаюсь, и все будет хорошо. Да, обязательно так и будет.

Ментовка у них была так себе, прямо скажем. Хотя с виду чистенькая такая, кафелем пол выложен. Мы сначала по лесенке вверх, потом по коридорчику вбок, потом по лесенке вниз, меня в темноту

бумс и дверью за мною хлоп.

Я встал, огляделся, тишина кругом. Неужто одноместный номер? На ощупь нашел что-то похожее на кровать и упал на нее, не раздеваясь.

Квартира не моя, мать тоже какая-то не родная... Отказалась от меня, но претендует на квартиру...
Совсем на нее не похоже. Выводы? Я что, попаданец, мать вашу?!

Ну или помираю где-то в своем мире, причем конкретно так помираю. Раньше единственные длинные сны на моей памяти были только про голых теток. А тут пока только мужики одни, хорошо хоть одетые.

Хорошо, что я салат успел схрумкать, потому что кормить меня никто не собирался. На мне вообще зверски сэкономили – еды нет, света нет, подушки на кровати и той нет. И квартиры у меня теперь, выходит, тоже нет?!

Так, предположим, что я сплю. Щипать я уже себя пробовал – не помогает. Значит, легко и просто проснуться не выйдет. Обидно, но и не из такой жопы вылезали. Понять бы только масштабы жопы.

Предположим, только предположим... что я не сплю. И-ять...

Интересно, может, соус в салате был просроченный или огурчики не на тех химикалиях выращены?
Нет, это я опять о хорошем, что лежу у себя и глюки ловлю от отравления... Кстати, тогда надо срочно очухиваться и скорую вызывать! К тому же ладно бы гурии с опахалами, а тут менты ж...
Форма такая, грязно-зеленого цвета, сразу мысли о защитке навевает. И погоны ж!.. И нашивки на рукавах. Только левые какие-то, ни туда ни сюда, никуда. Непонятно какой страны, короче.

Так что странные у меня глюки, не по игре, не по реалу, словно у меня вдруг воображение проклюнулось, которого отродясь не наблюдалось. Ток? Яд?

Нет, Славик, жопель явно глубже...

Тут в мой кошмар вернулся уже знакомый мне представительный дядька и объявил:

– Гражданин Иванов, мы проверили все документы и рассчитали остаточную стоимость конфискованного у вас имущества. По нашим расчетам, максимальный срок вашего неоплачиваемого контракта с покупателем будет составлять пять лет.

– А минимальный? – нет, ну логично же, если есть максимум, значит, должен быть и минимум!

– Минимальный – хоть один час, если ваш первый покупатель пожелает передать контракт на владение вами кому-то ещё.

По-моему, мужик надо мной откровенно издевался. По крайней мере, с моей колокольни все сказанное выглядело как глумеж, за который по-хорошему полагалось бы дать в морду... Но я уже успел разглядеть, что этот гад руки за спиной не просто так держит, а прячет какую-то дубинку.

Я-то стоял в полной темноте, а дядька этот представительный – на свету, в дверях. И успел разик боком повернуться, пока меня взглядом искал. Так вот дубинка эта явно была не дубовая, а, скорее всего, металлическая, потому как вряд ли дерево стали ради прикола в стальной цвет красить.

– Сами выйдете, гражданин Иванов, или сопротивляться станете? – поинтересовался мужик, изучая меня так, словно партнера на спарринг выбирал.

– Это чтобы дать вам повод меня той штукой по голове огреть?!

Внутри у меня паника разрасталась в геометрической прогрессии, и в конце концов я не выдержал, поддался... Если сон – проснусь, если не сон – засну и, может быть, проснусь у себя... Потому что мне в этом глупом мирке совершенно не понравилось!
▲Так что я спокойно посмотрел на застывшего в дверях дядьку, а потом, издав резкое «Х-х-ха!», прыгнул вверх и вперед, вдарил пяткой ему в грудь, выхватил из обмякших рук палку и понесся по коридору, метеля всех, кто встречался у меня на пути. Я почти добежал до какой-то огромной двери, явно на свободу... вот прямо чуял, как от нее свободой пахнет!.. И тут у меня в черепе что-то звякнуло, мыргнуло... и свет погас!..
▲Глава 4

Вячеслав:

– Говори сразу, сколько. Ты же знаешь, деньги – не проблема, найду.

– У него красный контракт, но не вечный.

– За двадцать пять лет с телом все что угодно произойти сможет, сам понимаешь...

Сначала голоса в моей голове звучали слишком тихо, словно сквозь вату, но потом стали, наоборот, громыхать, как колокола. И то, о чем они громыхали, мне категорически не

нравилось. Особенно
про двадцать пять лет... Мужик из прошлого сна про контракт на пять лет говорил, с
чего вдруг
срок увеличился?

– Он особо опасный, за ним присматривать станут, пока полностью в расход не
спишут. Так что
ничего особо крутого с ним провернуть не получится.

– Я с мозгом собираюсь поработать. Он уже никому не понадобится, а мне для
диплома как раз
самое то.

– Слушай, не знал бы я, чем именно ты занимаешься...

Тут голоса снова начали удаляться или заглушаться. И, несмотря на легкую панику,
я или заснул,
или опять потерял сознание.

Второй раз я очнулся в тишине, полежал какое-то время, прислушиваясь к своим
ощущениям. Мозг
вроде был все тот же, старый, капитально сглюканувший с этим странным сном. И
руки были мои, и
ноги... я даже смог присесть на кровати и оглядеться... и тут же снова прилег,
прикинувшись
поленом.

– О, ну надо же! Евгеника, очнулся мой эксперимент! Идите снимайте, только
быстро...

В комнату, вернее в палату, ворвалось сразу трое – две девушки и один парень,
неказистый такой
блондинчик с мелкой россыпью веснушек на носу. Вот девчонки были очень ничего,
миленькие
такие, стройненькие, фигуристые, в глазах чертики... Особенно у той, что
руководила
блондинчиком:

– Эмиль, давай, нам надо снять затылок... там такая рана была! Это ж прорыв в
медицине... Азалия –
ты гений! У меня подруга – гений! Твоя мать теперь надолго отстанет с
замужеством, вот увидишь...

При этом меня все трое воспринимали исключительно как манекен. Крутили, вертели,
затылок
щупали... А я лишь офигевал от их наглости, пока вконец не офигел.

– Эй, вы меня бояться должны! У меня красный контракт или что там... что-то
красное... и черный
пояс! Так что уберите ваши лапы, придурки!

Блондинчик сориентировался первым. Минуты не прошло, а девчонки уже были
отодвинуты к
дверям, причем видеокамера оказалась у Евгеники в руках, гениальная Азалия

просто застыла с открытым ртом... а сам парень уставился на меня как на внезапно восставшего мертвеца.

– Тебе ж мозги... в кашу... ты слюни пускать должен! Тебя ж на органы должны были пустить... Мы тебя для диплома Азалии взяли, под расписку...

– Сам ты... слюни в кашу! – я длинно и от души выругался, потому что этот сон уже стал очень надоедать. – Все у меня в порядке с мозгами.

– Надо его безопасникам вернуть... – прошептала одна из девчонок. Та, которая не гениальная.

Зато другая чуть не подпрыгнула и возмущенно зашипела:

– Это мой диплом! Я все засняла, но если смогу его живьем предъявить, да еще и продемонстрировать, что он не овощ, а вполне разумный...

– «Не овощ» он по ошибке, – блондинчик мне категорически не нравился, но сил драться у меня пока не было. К тому же мозг настойчиво намекал, что кошмар подозрительно затянулся, а эти трое могли мне внятно объяснить, куда именно я попал. Так что лучше бы с ними задружить...

▲– Предъявлять его нельзя. Ты же не объяснишь, что именно сделала, чтобы он соображать начал, верно? – оклемалась первая, с камерой в руках. – Так что или возвращаем, или...

– Ну не убивать же его?! – хорошо, что я блондинчику в морду не дал. Вон, умные мысли выдает...

– Значит... – тут все задумались до скрипа извилин.

Причем гениальная с парнем вместе очень странно смотрели на эту, которая Евгеника.

– Вы вообще представляете, как я его домой притащу?! С красным контрактом...

– Здесь его оставлять нельзя! Это операционный блок, – ожила Азалия. – А он... не овощ! – выдала эта гениальная очевидную истину.

– Именно! – блондинчик снова влез с какими-то неправильными идеями: – Он – не овощ, а потенциальный убийца. Он безопасникам сопротивлялся! Побег пытался совершить... У него красный контракт на двадцать пять лет. Таких только в армию забирают, для опытов или еще куда...

Это «еще куда» мне совсем не понравилось. Мне вообще все не нравилось, но объяснять сейчас всем этим троим, что сопротивляться насилию – естественная человеческая реакция,

было тупо
лень... Организм настойчиво сигнализировал, что запас адреналина закончился и нам
опять пора
спать. Только засыпать было нельзя – тут моя жизнь решается. Наспался уже...

– Но сами подумайте! Мы не можем сказать, что восстановили ему мозг, значит,
его... на органы... А
он – нормальный... И... Мы сами тогда станем убийцами. Я так не могу! – Азалия чуть
не
разрыдалась, вызывая во мне сонно-вялое ликование. Меня нельзя на органы, я
целый вполне себе
направляюсь.

– И что ты предлагаешь?! – вторая девчонка глазами сверкнула и руки в бока
уперла, даже камера
ей не помешала. – Ну купила я его по дешевке, оптом, все органы сразу. Так я ж
думала его потом
вернуть. Если насовсем брать, то у меня потребуют объяснений – зачем...

– А мы что-нибудь придумаем, – пролепетала гениальная. – Паранойя перед
дипломом, секретная
информация... Эксперимент какой-нибудь медицинский, который провалится? А потом
я попрошу
папу заключение написать... И все.

– Да для чего он мне сдался, геморрой этот? У меня конкурс, отбор мужа, а я
вместо приличного
мальчика в дом убийцу притащу? Смотрите, мама с папой, я вам помощника достала...
теперь у нас
бизнес в гору пойдет, туристы в гостиницы прямо попрут!..

– Все от многих факторов зависит, – пробубнил я, напрягая мозг со всей силы. –
Надо, чтобы
реклама была, обслуживание, место удобное, развозка от вокзала...

– От какого вокзала? – девчонка с камерой, Евгеника, как-то прямо на глазах
сдулась и даже
подошла ко мне поближе, игнорируя предупреждающие знаки блондинчика. – Ты чего
несешь
вообще?

– А у вас что, вокзалов нет? – искренне удивился я. И это было последнее усилие
моего уставшего
организма, потому что потом мы с ним дружно в очередной раз отключились.

Очнулся я... в подвале вроде... короче, в каком-то, блин, очень неудобном месте!..
Замкнутое
маленькое пространство без окон, тоска смертная. Опять на мне экономят. Даже
кровати нет...

Зато на третьем круге обнаружил дверь, в которую принялся отчаянно ломиться с
упорством дикого
зверя в клетке. Только не прошло и минуты, как у меня в голове что-то
завибрировало и череп

буквально взорвался от резкой боли. Я заорал даже вроде...

– Эмиль, придурок, зачем сразу на максимум?! Ты ему спалишь все, что Азалия каким-то чудом спасла...

Так, этот голос я знаю. Евгеника... Чем и что они мне палить собрались?! Главное, боль как резко пришла, так резко же и ушла, словно примерещилась.

Только я почему-то валяюсь на полу, обхватив голову ладонями, и горло першит, словно я голос надорвал. Реальные такие глюки, в общем. Глюк в глюке... прям матрешки...

Тут меня явно откатом шибануло, или как еще в психиатрии это дело называется? Короче, заржал я, как конь... и давай по полу валяться и гоготать... Причем на самом деле даже не смешно, просто не остановиться. В голове открылся люк, ты не бойся, это глюк. Ну а если в глюке – глюк, подтекает череп, блин...

– Заткнись, пожалуйста, поговорить надо, – спокойный голос девчонки помог мне гораздо больше, чем пинания в бок от блондинчика. Тому просто повезло, что у меня от смеха руки не поднимались в морду ему дать.

– Знаю я ваши разговоры, – фыркнув, я все-таки успокоился и уселся на пол в позе лотоса. Глаза закрыл и представил, что тут нет никого... Или нет! Я на тренировке, стоит глаза открыть – слева Илья, справа Димон. А не... это все... «заткнись» и «пожалуйста»... Так, главное – снова не заржать.

– Азалия вставила тебе в голову чип. Пульты управления есть у меня и у Эмиля, – Евгеника продемонстрировала мне браслет на руке с кнопкой. Одной, мать ее, кнопкой...

А, нет, еще переключатель маленький, который у блондинистого Эмиля на максимуме.

– Обосраться, как круто! – обобщил я все сказанное одной фразой.

– Сама фигею, – усмехнулась девчонка. – Так что теперь, если полезешь – получишь болевой разряд в голову.

– А если не полезу? – решил уточнить я размах моей свободы. – Пожрать дадут? Кровать выдадут? В туалет бы еще сходить... А то все под себя и под себя. Одежду мне мою вернут?

– Одежду не вернут, – сразу разочаровала меня Евгеника. Блондинчик в разговор вообще не влезал, стоял, подпирая дверной косяк и олицетворяя собой максимальное осуждение всего

происходящего.

– Жаль, – совершенно искренне вздохнул я, учитывая то, что на мне красовались сероватые мешковато-больничного фасона штаны с модными разрезами спереди и сзади, хорошо с запахами, а не просто дырками для свежего воздуха, и такая же сероватая майка, а в подвале было довольно прохладно.

– Но можно попробовать вывести тебя наверх, помыть и покормить. Если пообещаешь хорошо себя вести.

– Евгеника, ты спятила? Он – убийца, а ты собираешься тащить его в свою комнату?!

– Он из отбросов, но все равно живой же. Может, у нас получится договориться. Маму я о покупке предупредила, она, правда, поняла ее цель несколько неправильно... – тут девчонка смутилась. Причем конкретно так, даже уши запылали. – Начала говорить о том, что использования потребностей отброс общества – как раз в моем духе. Хотя она понимает мой страх обязательств после секса. И то, что выходить замуж совсем неопытной глупышкой даже в ее время считалось моветоном.

– У тебя мать очень продвинутая, – чуть насмешливо фыркнул блондинчик и, кажется впервые с момента нашего знакомства, посмотрел на меня с сочувствием. – Еще и поделиться попросит... Вот увидишь.

– С нее станется... – недовольно буркнула Евгеника, пока я переваривал услышанное. То есть сначала меня продавали просто так, за несуществующие долги, потом решили пустить на органы, а теперь, выходит, я этот... отброс для удовлетворения потребностей?!

▲Глава 5

Евгеника:

Отбор кандидатов на роль мужа проходил довольно успешно. Из более трехсот желающих в жесткой конкурентной борьбе пострадало двести девяносто три. Осталась семерка лидеров – красивые, спортивные, воспитанные и потенциально успешные для семейного бизнеса.

И тут Азалию огорошили, что для защиты конкретно ее диплома им мало одной теории и примеров

операций, сделанных на трупах.

Да, она замечательно описала последовательность действий, осуществляемых над оперируемым «объектом». Перечислила все необходимые медицинские приборы, инструменты, материалы, вещества... Короче, расписала все манипуляции и произвела более десятка операций... в морге. Для диплома – достаточно, а вот для того, чтобы запатентовать метод лечения, – нет.

Мы уже были достаточно взрослыми, чтобы понимать: диплом не послужит защитой, и любой, имеющий к нему доступ, – руководитель проекта, два его помощника, те, кто будет присутствовать и оценивать... в общем, любой уже дипломированный медик, имеющий возможность добраться до живого тела, радостно запатентует это изобретение на себя. Хорошо, если хватит совести указать диплом Азалии как опорную литературу, но верить в такое – святая наивность!..

Конечно, если так поступит мужчина, закон будет на стороне Азалии, но беда в том, что среди медицинской профессуры встречалось очень много женщин. На медика надо было учиться долго, много, нудно, сама профессия считалась очень достойной, так что многие больницы и поликлиники держали в штате воспитателя, а то и нескольких, чтобы тот проводил время с детьми сотрудников, пока те спасают, лечат или преподают.

В крупных ветклиниках, кстати, тоже была «няня по уходу за детьми». Прекрасная возможность дать работу скучающим женщинам низшего класса, у кого собственные дети уже выросли, а внуки еще не появились. Вот свою маму я возящейся с малышкой видела очень смутно, зато нагрянувшую внезапно в офис, чтобы «поболтать» с главным бухгалтером, – это да. Это она любила.

А еще мама часто улаживала дела с поставщиками, например. С чьей-нибудь женой, за чашечкой утреннего чая или бокалом вечернего коктейля. Или напрямую, заехав «по пути» в офис.

И так как я иногда даже осознанно хотела быть на нее похожей, то, принарядившись, пропитавшись уверенностью в своей неотразимости и захватив с собой карточку, на которую я почти месяц переводила все свои деньги на недельные расходы, отправилась к заведующему медицинским центром при главном городском управлении безопасностью.

Страшно было – аж поджилки тряслись, особенно когда подпись свою на куче документов ставила.

О том, что отдаю себе отчет, находясь в здравом уме и трезвом разуме...

– Вы же понимаете, что это опасный преступник? Конечно, учитывая его текущее физическое состояние, он сейчас уже не опасен, но все равно, соблюдайте максимальную осторожность!

– Да, господин полковник, обязательно!

Хорошо, что у меня был опыт общения с Гектором и его отцом. Кратко, четко, по существу и без лишних подробностей. «Да», «Нет», «Надо подумать». Никаких словесных изысков. «Понял», «Не понял»... В общем, чем короче ответ, тем лучше. И главное, не путаться в званиях! Можно назвать подполковника полковником, но не наоборот...

– Операция настолько секретная, что вы отказываетесь от охраны?

– Да, пациент же будет под общим наркозом. К тому же вы сами сказали, что в его состоянии он не опасен. Мы будем максимально осторожны.

– Кнопки вызова дежурного есть по всей палате и в операционной.

– Хорошо. Надеюсь, нам они не понадобятся.

– Я уважаю секретность вашей операции, – мужчина покивал с умным лицом, крутя в руках банковскую карточку без указания имени владельца. Очень удобно для подарков без повода, просто в качестве благодарности за услугу.

▲Стоимость тела... в смысле стоимость контракта... красного... стоимость красного контракта на двадцать пять лет я оплатила отдельно. Полную стоимость. На всякий случай, если операция пройдет не так успешно, как мы рассчитываем.

– Мы планировали использовать его на органы...

Угу, разобрать на запчасти, положить в баночки со специальным раствором и клонировать, когда возникает потребность. Нас еще в школе несколько раз водили смотреть и баночки, и процесс клонирования, когда мы изучали строение человека.

– Двойная оплата как-то компенсирует финансовые потери вашего центра?

Красный контракт стоит очень дорого, потому что покупается смертник на двадцать пять лет, то есть не просто отброс общества, о котором думать страшно... А... особо опасный преступник...

Мамочки, во что я влезаю, пытаюсь помочь подруге?! Но у нее мать категорически

против того,
чтобы та после интернатуры устраивалась на работу. А у Азалии – призвание, дар...
И выходить
замуж, чтобы съехать из дома и договариваться уже с мужем, работать ей или нет,
подруга
категорически не желала. К тому же она хотела работать в той же больнице, где
отец, поэтому мир
в семье надо было сохранять мирными путями.

Например, признанием государства ее гениальности и запатентованной операцией по
восстановлению костей черепа.

– Хм... – полковник покрутил в пальцах карточку и выразительно так посмотрел на
меня. Я достала
мобильник, вошла в онлайн-банк, вывела нужную сумму на промежуточный, не
отслеживаемый
счет, спасибо Эмилю, настроившему мне такую возможность, а потом – на карточку,
которой передо
мною так ненавязчиво помахивали.

Я даже не сомневалась, что не пройдет и часа, как все деньги с нее будут
переведены такими же
окольными путями на счета полковника. Но зато он будет молчать, в отличие от
моих родителей, у
которых произойдет легкий такой стресс при виде суммы, которую я сняла со своего
счета. На
такие деньги можно было купить небольшую машину, а подобные покупки было принято
обсуждать
заранее, хотя бы за сутки ставить семью в известность. Все-таки это уже не
мелкие расходы, а
такие... средней крупности. А главное, предъявлять-то я им что буду? Диплом
Азалии?!

Но сейчас я старательно держала лицо, потому что ради свободы выбора подруги мне
ничего не
жалко!.. Я ее понимала как никто... Другое дело, что сама я как раз совсем не
горела желанием
работать, ни в семейном бизнесе, ни, если честно, по специальности.

Мне хотелось бы стать такой, как мама... И чтобы меня так же любили, как ее –
папа. И чтобы все
успевать, быть такой же красивой, и чтобы мужчины не просто вставали, когда я
вхожу, а
застывали и потом с завистью смотрели на моего мужа, как сейчас все смотрят на
моего отца, когда
мы выезжаем куда-нибудь «в свет». И чтобы меня не тошнило от оперы и театра,
потому что в
приличном обществе обсуждают не сериалы, а новую постановку и оригинальное
прочтение
классического сюжета. Но последнее – наживное, со временем научусь обсуждать то,
что мне
неинтересно, улыбаться тем, кому хочется в лицо плюнуть, позволять целовать руку
тем, с кем в
одном бы поле... Бизнес – он от нужных знакомств сильно зависит.

– Что ж, смертник ваш, делайте с ним что хотите, а потом, если посчитаете нужным, можете вернуть его нашему центру, со скидкой за перепродажу.

Мы поулыбались друг другу деснами, я собрала все бумаги и на негнущихся ногах, с прямой спиной и сжатыми зубами пошла в операционный блок, где уже готовили мою «покупку» и мельтешила Азалия, счастливая и не совсем еще осознающая, насколько она попала.

– Живой... Евгеника, он же живой! – дошло до нее, как до жирафа, когда все уже было готово к операции, Эмиль стоял с камерой наперевес, а я замерла в уголке, не отвечивая.

– Вот и не сделай его мертвым! Лечи давай, – рыкнула я на подругу, и та, глубоко вдохнув, собралась и приступила к починке черепа.

Я старалась на это все не смотреть, иначе меня бы стошнило... прямо на пациента или рядом... потому что там было месиво, кроваво-костное месиво, на которое нормальный, не подготовленный к такому, человек смотреть не должен. Только стуканутые на всю голову медики могут в этом копать и еще определять, что именно они выловили.

– Я использую специальные импланты, вживляя их в сохранившиеся в целости кости черепа. Сверху покрываю все это специальным веществом, моим личным изобретением, схожим по составу с костной тканью...

▲Уф, в общем, я поняла только то, что Азалия по новой собрала парню череп. И он не умер во время операции... Правда, учитывая бардак внутри его головы, я не очень понимала, зачем и кому может понадобиться подобная операция, но мало ли... Я не медик.

Главное, что этот несчастный даже очнулся! И мы засняли, как он открывает глаза, как смотрит на нас сначала мутно-недоумевающе, а потом вполне осмысленным взглядом. Но я не сразу сообразила, что это не совсем правильно. Только когда он заговорил...

И тут я поняла, что попала... по-крупному попала. У меня в собственности смертник с красным контрактом, и мне надо как-то объяснять семье, куда я дела столько денег и зачем приобрела себе молодого парня...

▲Глава 6

Евгеника:

Странно, но мама мою попку одобрила. Правда, поняла она ее как-то очень по-своему, но глубокомысленно покивала, переглянулась с отцом, который уже было начал возражать, и объявила, что решение я приняла правильное.

Флиртовать с равными можно, но увлекаться опасно – мальчики потом могут возомнить о себе невесть что, начать надеяться на большее... Нет, равного надо «пробовать» лишь после того, как приняла решение выходить за него замуж. Но вступить в брак девственницей прямо-таки неприлично, надо уже знать, что ты хочешь от мужчины и что он должен делать, чтобы доставить тебе удовольствие.

Мама говорила все это спокойным ровным голосом, словно мы про мою учебу говорили или обсуждали что-то связанное с работой. А я крутилась, краснела, бледнела и чувствовала себя очень неуютно. Мне было неудобно обсуждать эту тему даже наедине с матерью, и уж тем более за обедом. Хорошо, Эмиль отказался зайти в гости, оставшись в операционном блоке с Азалией. Хотя, если уж честно, его бы я стеснялась меньше, чем отца.

– Прислугу использовать для подобного тем более моветон, – продолжала между тем вещать моя матушка. – Этих людей надо всегда держать на расстоянии, иначе они перестанут нормально выполнять свою работу.

Я согласно покивала, через силу проглатывая тщательно пережеванное мясо. Вкусное, что самое обидное. Просто под такие разговоры у меня кусок в горло не лез.

– Купить отброс... Конечно, это вызов. Но я от тебя все время подсознательно ожидала чего-то... – мама прищелкнула в воздухе пальцами, пока подбирала нужное слово, – чего-то подобного. Конечно, брать надо свеженького, напуганного... Дать его предварительно осмотреть Азалии – очень разумная мысль. Она же ничего у него не нашла? – мать, наконец-то, сменила монотонный тон на слегка заинтересованный.

Отрицательно помотав головой, я сглотнула следующий кусок и преданно уставилась на родительницу. Мне уже было море по колено, потому что я поняла главное – ругать меня никто не будет, смертника провести в дом позволят, а дальше дело за Азалией. Она обещала вшить в его многострадальную голову чип, с помощью которого я смогу его контролировать.

Правда, как
выкручиваться во время сна, я пока еще не придумала, но тут обещал помочь Эмиль.

– Замечательно. Отбросами общества иногда становятся очень... очень умные молодые люди. Если их приручить, они будут потом есть у тебя с рук и выполнять все твои поручения, даже когда срок их контракта истекает, – мама заметно оживилась, и ее щеки слегка порозовели. Она явно рассуждала не просто так, а со знанием дела. – Если что, у нас в доме есть подвал. Можешь воспользоваться им. Конечно, я в твоём возрасте уже была замужем, – было бы странно, если бы мама не напомнила мне об этом! – Но ты как раз успеешь чуть-чуть набраться опыта, прежде чем избавишься от этого... Если не сможешь приручить, то обязательно продай его кому-нибудь из другого города и не нашего круга. Так будет правильнее. А если сможешь... я подскажу, кому его подарить.

Вот тут я испуганно икнула и быстро изобразила, что поперхнулась. Я-то считала, что отбросы общества – это далекое дно, к которому люди моего круга не имеют никакого отношения. А после слов матери у меня прямо прояснение какое-то случилось. «Подскажу, кому подарить»?! Да ладно?.. Но разрешение пользоваться подвалом меня порадовало.

Хорошо, что мама не видела цвет контракта «умного молодого человека». И на напуганного он совсем не похож. Это скорее я напуганная. Но Азалия права: пускать на органы вполне себе здорового парня – преступление, а объяснить, как за сутки совершенно однозначно потерянный для разумного общества индивид снова стал умственно полноценным, подруга не могла даже нам, что уж там говорить о комиссии, принимающей ее диплом? Или о работниках центра, которым мы бы вернули выкупленного парня обратно?

Азалия раз сто ткнула мне под нос карточку с кучей непонятных слов и диагнозов, взывая:

– Ну вот смотри, тут написано же!

И она тыкала пальцем в эти непонятные мне слова, которые означали, что мозг пациента
▲неработоспособен. Я ей верила, у меня выбора не было. Я в этих словах и терминах разбиралась как гусь в настройке мобильного.

То есть или мы молчим, и тогда убивают здорового парня, или мы признаемся, и тогда диплом

подруги под вопросом – кто знает, как вывернут ситуацию с необъяснимой побочкой, которую Азалия не сможет объяснить. И следовательно, куча денег, которые я буквально выбросила на ветер. На подругу – не жалко, а вот на ветер... Ладно бы в клубе прокутила, тогда бы воспоминания остались! Да и вообще, нам нужно положительное внимание, а не подозрительная шумиха. Так что пусть себе полковник думает обо мне все что хочет. Вслух возмущаться он точно не рискнет, тем более я ему намекнула, что мы спрятали прооперированное тело для того, чтобы конкуренты результат не испортили. А после сдачи диплома...

После сдачи диплома Азалия напряжет отца, и тот выдаст нам свидетельство о смерти... уф! И тогда...

Тогда у меня в доме вместо парня-смертника с красным контрактом окажется некто совсем без документов?! Да вашу мать, прости меня, мама!.. И что мне с ним тогда делать?!

С матерком загрузив усыпленное тело сначала на носилки, прикрыв простыней от греха, мы выкатились на улицу, сгрузили постанывающее подтверждение успешности диплома Эмилю в машину, в три пары рук, уже молча, скрипя зубами и стараясь не поругаться. Нервы у всех прямо звенели от напряжения... и от страха мутить опять начало, меня так точно.

Он же живой... шевелится... скоро очнется! А мне с ним жить! Или в подвале держать? Или, может, просто из машины в придорожную канаву? Очухается и пусть валит куда хочет?! Правда, его без документов задержат сразу, а по отпечаткам пальцев вычислят хозяина контракта. Вот позору-то будет...

Так, крепимся, пытаемся быть как мама! Уверенная в себе женщина, понимающая, что творит... А-а-а-а!

В подвал мы тащили тело уже вдвоем, Эмиль впереди, я сзади. За руки и за ноги... Вниз, по лестнице... Уф!

Кинули на пол, переглянулись и побрели ко мне в комнату. Упали на кровать вдвоем и устало уставились в потолок.

– Ну мы и вляпались! – констатировал друг минут через пять вдумчивого мрачного молчания.

– Угу, – промычала я согласно, изучая идеальную белоснежность над головой.

– Чего делать будем?

Ответить Эмилю я не успела, потому что услышала, как кто-то громко и настойчиво пытается выломать дверь в подвале. Мы переглянулись, устало вздохнули и помчались вниз...

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/irina-smirnova-17130874/kak-proyti-v-biblioteku/>